

ВВЕДЕНИЕ

Да будет всем глупцам известно,

Что жить не может улей честно. (1)

«Экономика — это наука с отличными средствами для получения ответов, но с большим дефицитом интересных вопросов» (2). С этих слов начинается пояснительная записка к книге Стивена Левитта и Стивена Дабнера «Фрикономика» (3). В этой книге ставится огромное количество нестандартных и интересных вопросов, которые решаются с помощью «всепроникающего» экономического подхода, прославленного ещё со времен первых публикаций великого основателя школы экономического империализма – Гэрри Беккера, который смог применить этот подход к самым различным сторонам человеческой жизни, даже тем, которые, согласно сложившейся традиции, раньше описывались иными общественными науками. В частности, одной из данных тем является внезаконное поведение индивидов.

Почему же применение экономического подхода, в особенности его современными последователями Стивеном Левиттом и Дабнером, настолько легко и глубоко позволяет проникнуть в вопросы, столь не связанные с экономической наукой напрямую, объясняя и распутывая столь сложные клубки причинно-следственных связей?

Секрет прост и лежит на поверхности. Любой поставленный в экономике вопрос, который касается поведения индивидов, должен быть соотнесён с наиболее важным аспектом современной жизни – **стимулами**, которыми руководствуются индивиды. Попытка понять эти стимулы и ответить на вопрос: «как люди получают желаемое?» — это ключ к решению практически любой загадки. В нашем случае, мы коснёмся темы внезаконного поведения: преступности и мошенничества. Ведь что может быть **актуальнее** тем, которые сопровождают человеческую цивилизацию со времён самого её появления?

Проблематика эссе: понять стимулы, которыми руководствуется индивид, решая преступить черту закона и оценить степень рациональности поведения.

Внезаконное поведение - рационально или маргинально?

Они мошенничества плод

Умели выдать за доход

И называли честной сделкой

Любую грязную проделку. (1)

Теории о возможности применения экономического подхода в исследовании нелегальной деятельности и правоохранительной системы впервые появились в развитых странах Запада, хотя наиболее актуальны они именно для России, где подобное направление не столь широко распространено.

Английский писатель и экономист Бернард Мандевиль первый усомнился в маргинальности преступника и предвосхитил появление так называемой экономики преступлений и наказаний. В 1705 году он написал и издал свою “Басню о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества” (1), которая почти сразу же приобрела скандальную славу среди современников Мандевилля. Суть данной работы сейчас нам вполне понятна, хотя для своего времени она оказалась неожиданной и смелой: преступные, а в широком смысле и всякие порочные действия отдельных людей в итоге способствуют благосостоянию и богатству всего общества. В дальнейшем данная идея была названа “парадоксом Мандевилля”.

На интересующую нас тему в 1972 г. Майкл Сесновиц, американский экономист, опубликовал работу под названием “Доход от кражи со взломом” (4). Данный исследователь предпринял попытку рассчитать прибыльность деятельности взломщика, основываясь на ряде статистических показателей преступности штата Пенсильвания за 1967 г. Целью автора было создание наглядной модели, на основании которой можно оценить доходность нелегальной деятельности. Все виды такой деятельности, в том числе и кража со взломом, отличаются высокой степенью риска, так как преступник идет на риск того, что его могут поймать и осудить.

Изобразим это в виде формулы (1):

(1)

где **R** – это доход взломщика;

p – вероятность, что преступника поймают и осудят;

S – величина украденного;

D – денежная величина потерь взломщика в результате наказания.

На основе своих вычислений М. Сесновиц делает вывод о том, что чистая добыча от кражи в среднем равняется около 120 долларов США, вероятность того, что вора накажут за преступление – примерно 6%, ожидаемые убытки от тюремного срока, который в среднем составляет 40 месяцев – около 5300 долларов США; таким образом, ожидаемый доход от кражи равняется примерно -200 долларам США. Другими словами, средний ожидаемый чистый доход от совершения преступления является в данном случае отрицательным. При этом подобная логика прослеживается и во многих других видах противозаконной деятельности.

Но, например, для тех, кто любит ездить безбилетником, эта закономерность на пригородных московских электричках не работает, так как безбилетный проезд на регулярной основе становится выгодным при существующей вероятности проверки контролером и размерах штрафа. По моей собственной статистике, на 100 моих поездок приходится 5 поездок с проверкой билетов, при этом вероятность быть пойманным равна нулю, так как можно спокойно уйти от проверки билетов выйдя на станции или пройдя в передние вагоны. Штраф равен всего 100 рублям дополнительно к стоимости билета, которая в среднем для моего кейса равна 76 рублям.

Тем не менее, даже если средний ожидаемый доход правонарушителя является отрицательным, нельзя сказать, что преступник не руководствуется понятием экономической целесообразности и не является рациональным. Данное утверждение можно пояснить, рассмотрев указанный аспект с точки зрения экономики риска. Существует три типа хозяйствующих субъектов по их отношению к риску: рискофилы, то есть склонные к риску, рискофобы, то есть характеризующиеся неприятием возможного риска, и нейтральные к риску.

Правонарушители – это рискофилы, то есть любая нелегальная деятельность подобна ведению бизнеса с высокой степенью риска. В легальном секторе данной

характеристикой обладает большинство из тех, кто занимается игрой на бирже или азартными играми, а также те из предпринимателей, кто являются первопроходцами в своей области, предлагая новаторство. Для рискофилов величина среднего дохода обратно зависит от степени рискованности какой-либо деятельности, то есть при увеличении степени риска, например, от нелегальной деятельности, средний реальный доход будет уменьшаться. Таким образом, альтернативные доходы от легальной деятельности, которые могли бы иметь преступники, выше, чем их возможная прибыль от совершения правонарушения – что тоже является парадоксальным выводом.

Г. Беккер в свое время предложил такой подход, согласно которому объем преступности в состоянии равновесия зависит от деятельности правонарушителей и правоохранительной системы. В работе данного автора ожидаемая полезность от преступления выражается следующим образом (2):

(2)

где **EU** – ожидаемая полезность от совершения правонарушения,

p – вероятность осуждения правонарушителя,

Y – доход от преступления,

U – функция полезности преступника,

f – наказание за преступление.

Так как правонарушитель, как правило, рассчитывает, что его деятельность будет являться долгосрочной, то он должен принимать во внимание и альтернативные издержки – то есть доход от законной деятельности, который мог бы быть им получен, если бы он не стал заниматься нелегальной деятельностью. То есть в данной модели если $EU > 0$, то потенциальный правонарушитель выбирает нелегальную деятельность, а если $EU < 0$, то он остается в легальном секторе экономики. Таким образом, возможный преступник может выбрать только одно из двух.

Работы тех авторов, которые являлись последователями Г. Беккера и той теории, которой он положил начало, рассматривают нелегальную деятельность уже немного по-другому – здесь она является своего рода особым рынком. Таким

образом, правонарушители на этом рынке формируют предложение преступлений, а те, кто приобретают нелегальные товары и результаты преступлений – формируют спрос на них. Правоохранительная система, защитники правопорядка и предпринятые ими меры по противодействию преступлениям являются регулированием этого рынка со стороны государства. Рынок приходит в равновесие, и определяется равновесный объем правонарушений благодаря влиянию всех этих трех движущих сил.

«Лучший способ борьбы с пороком

– это примириться с ним» Оскар Уайльд (5)

Кроме существования объективного рынка, значимое влияние на регулирование теневого сектора экономики оказывают его особые правовые нормы, неписанные, однако известные каждому. Подобные порядки, установленные негласно и никак не оформленные, можно обнаружить повсеместно в каждой сфере нелегальной экономики, так как они служат для предупреждения возможных разногласий и столкновений и поэтому выгодны для представителей теневого сектора, делая эту отрасль даже эффективнее конкурентного рынка. В частности, Эрнандо Де Сото (6), перуанский экономист, в своей работе описывает, что в Лиме занимающиеся незаконной деятельностью торговцы с улиц с успехом применяют созданные ими неписанные правила и продают друг другу торговые точки, не составляя при этом формального письменного договора или какого-либо иного документа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пороком улей был снедаем,

Но в целом он являлся раем. (1)

В заключении хотелось бы сказать, что с точки зрения морали и нравственности мы создаем тот образ мира, каким, в нашем понимании, он должен быть, в то время как экономика позволяет нам увидеть то, как он работает на самом деле. И, согласно моему мнению, работает он *ограниченно рационально*[\[1\]](#): когда хаос из несметного количества индивидов, преследующих свои корыстные или (и) благородные цели, часто обладающих недостаточной информацией и

ограниченными возможностями к её обработке, приводит общество к динамическому равновесию, в котором не максимизируется общее благосостояние общества (то есть их действия приводят не к наиболее эффективной и рациональной аллокации ресурсов), а к «удовлетворяющему» равновесию, которое является предпочтительным большинству (или конкретной группе политиков) по ряду социоэкономических причин.

Поэтому внелегальное поведение, с точки зрения морали – это маргинальное поведение, *порок, ведущий общество ко дну*, как считал Адам Смит, знаменитый основоположник английской классической политической экономии, в *“Богатстве народов”* (7 стр. 392) сформулировавший “моральный парадокс”^[2]. А вот с точки зрения экономического подхода, внелегальное поведение – это стандартное рациональное поведение индивида, который, по мнению Эрнандо Де Сото, *«нашёл прибежище в нелегальном секторе, потому что издержки соблюдения соответствующих законов при ведении обычной хозяйственной деятельности превышают выгоды от достижения своих целей»* (6), или, как считал Гэрри Беккер, потому что преступник чаще всего ценит риск больше, чем обычный индивид, и готов рисковать в нелегальном секторе, удовлетворяя спрос, даже если *«преступление себя не окупает»* (8 стр. 81).

Именно на сочленении данных определений и лежит понятие проблематики ограниченной рациональности внелегальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Б., Мандевилль.** *Басня о пчёлах, или Пороки частных лиц — блага для общества.* Москва : Наука, 2000. ISBN 5-02-008376-3.
2. **J., Dubner S.** The probability that a real-estate agent is cheating you (and other riddles of modern life). *The New York Times.* 2003 г., Т. 3.
3. **Левитт С., Дабнер С.** *Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями.* Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2007. ISBN 978-5-91657-097-7.
4. **М., Sesnowitz.** Returns to Burglary. *Western Economic Journal.* 10, 1972 г., 4.
5. **Оскар, Уайльд.** *Портрет Дориана Грея.* Москва : Азбука, 2015. ISBN: 5-352-00782-0. (Предесловие к книге).

6. **Де Сото Э., Льоса М. В.** *Иной путь*. Москва : Catallaху, 1995.

7. **А., Смит.** *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва : б.н., 1962.

8. **Кузьминов, Я.** *Истоки. Выпуск 4*. Москва : Высшая школа экономики, 2000. ISBN: 5-7598-0070-1.

9. **Лефевр, Эдвин.** *Воспоминания биржевого спекулянта*. Москва : Олимп-Бизнес, 2004.

10. **А., Simon H.** *Models of man*. New York. : Wiley, 1957.

1. Как подразумевал под этим Герберт Саймон, в своей книги «Модели человека» (10). [↑](#)

2. «Преследуя свои собственные интересы, человек часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это». [↑](#)